

Сержпутовский Александр Казимирович

**Сказки и рассказы белоруссов-
полещуков**

**Материалы к изучению творчества
белоруссов и их говора**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Казимирович С.**
Сказки и рассказы белоруссов-полешуков: Материалы к изучению творчества белоруссов и их говора / Сержпутовский Александр Казимирович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 192 с.

ISBN 978-5-519-73366-3

ISBN 978-5-519-73366-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Отъ собирателя.

Помѣщенные въ настоящемъ сборникѣ бытовые рассказы и сказки записаны мною въ 1890—1907 г.г. въ Бѣлорусскомъ Полѣсьѣ—въ южной половинѣ Слуцкаго и сѣверной части Мозырскаго уѣздовъ, Минской губерніи.

При записываніи было обращено особенное вниманіе на вѣрную передачу оборотовъ рѣчи рассказчика и, по возможности, на точное воспроизведеніе произношенія. Чтобы приблизиться къ дѣйствительному произношенію живого бѣлорусскаго говора, мною принятъ фонетическій способъ письма, для чего въ русскій алфавитъ введены слѣдующіе знаки: г, ѓ, неслоговое ѣ и ѣ, произношеніе которыхъ описано ниже. Знакъ г произносится такъ же, какъ въ церковно-славянскомъ языкѣ буква г или какъ польское h.

Русское г попадаетъ довольно рѣдко, больше въ словахъ, заимствованныхъ изъ польскаго и нѣмецкаго языковъ. Знакъ ѓ произносится какъ дифтонгъ *уѓ*—однимъ звукомъ и почти всегда стоитъ подъ удареніемъ. Неслоговой ѣ произносится кратко; онъ всегда стоитъ послѣ гласнаго звука, безъ котораго не составляетъ отдѣльнаго слога; даже слоговой у, стоящій въ началѣ слова, въ томъ случаѣ, когда предыдущее слово оканчивается гласнымъ, переходитъ въ неслоговой ѣ, напр.: з дѹру ѹрѣзаѹса аѓ сѣѣну галавѓѹ. Такому измѣненію въ краткое подвергается и и, когда оно стоитъ послѣ гласнаго и не подъ удареніемъ. Знакъ ѣ произносится какъ закрытое *ыѣ* (дифтонгъ). Онъ почти всегда стоитъ подъ удареніемъ. Кромѣ того, русскія буквы ѣ и ѣ

произносятся такъ: ѣ—какъ юо (дифтонгъ) или даже iуо (трфитонгъ) однимъ звукомъ, а ѣ—какъ iа (дифтонгъ). Послѣдній—трудно уловимый для непривычнаго уха звукъ, посредствомъ котораго иногда отличаются созвучныя слова, напр.: маѣ (множ. число)—мои отъ маѣ (единств. число)—мое. Звуки ѣ и ѣ также почти всегда стоятъ подъ удареніемъ. Изображеніе послѣдняго звука буквой ѣ принято мною вслѣдствіе того, что наукой еще до настоящаго времени точно не выяснено, какъ именно нужно произносить букву ѣ, встрѣчающуюся въ самыхъ древнихъ памятникахъ славянской письменности. Между тѣмъ, въ живой бѣлорусской рѣчи звуки ѣ и ѣ въ большинствѣ случаевъ произносятся въ соотвѣтствующихъ словахъ тамъ, гдѣ въ славянскомъ языкѣ при письмѣ ставили ѣ. Звукъ ы произносится нѣсколько мягче, чѣмъ въ русскомъ языкѣ. Сочетанія звуковъ дз и дж произносятся слитно—однимъ звукомъ. Слово дождь произносится какъ бы дошджч. Звуки, изображаемые буквами я и е, часто совершенно смѣшиваются, ибо произносятся крайне неясно, если только на нихъ не падаетъ удареніе.

Приводимые здѣсь рассказы записывались мною при всякомъ удобномъ случаѣ: въ лѣсу, въ полѣ, на ночлегѣ, во время отдыха отъ сѣнокосныхъ или полевыхъ работъ, на ночевкахъ въ пути, въ пасѣкахъ или пчельникахъ, гдѣ-либо у костра или въ домѣ при пылающей подѣ лучникомъ *) лучинѣ,—словомъ, вездѣ, гдѣ только приходилось мнѣ слушать непринужденные рассказы любителей-рассказчиковъ.

Хотя хорошіе рассказчики попадаются довольно рѣдко, зато они всегда привлекаютъ много слушателей. Вѣдь, здѣсь устные рассказы замѣняютъ всю литературу, которою пользуются грамотные люди, и потому имѣютъ огромное значеніе въ жизни безграмотныхъ простолюдиновъ. Подъ вліяніемъ рассказовъ, сказокъ, по-

*) Лучникъ—дымовая труба, подѣ которой подвѣшивается желѣзная плетушка—свещилно. На плетушкѣ горитъ смолистая лучина, освѣщая своимъ яркимъ свѣтомъ убогую бѣлорусскую избу.

словиць и другихъ продуктовъ устнаго народнаго творчества вырабатываются отчасти все міровоззрѣніе, вся житейская мудрость и всё этическія представленія темнаго деревенскаго люда. Въ самомъ дѣлѣ, образованные и вообще грамотные люди, кромѣ домашняго и школьнаго воспитанія и общенія съ себѣ подобными, въ свободное время, посредствомъ чтенія книгъ, имѣютъ возможность, говоря фигурально, слушать рѣчи великихъ и геніальныхъ людей и поучаться у нихъ. Это непосредственное общеніе съ отсутствующими или уже давно умершими авторами книгъ, доступное грамотному человѣку, нерѣдко даетъ читателю отвѣты на тѣ или иные запросы духа и является величайшимъ благомъ, какое только дано разумному существу. Неграмотный человѣкъ лишень этого блага: онъ вынужденъ научиться лишь изъ устныхъ разсказовъ, такъ какъ слушать чтеніе книгъ не всегда возможно, да, кромѣ того, книжный языкъ вообще мало понятенъ простолюдину, а особенно бѣлоруссу-полѣшуку, который знаетъ одно свое мѣстное нарѣчіе. До самаго послѣдняго времени въ полѣсской части Бѣлоруссіи болѣе или менѣе грамотныхъ людей было очень мало; „грамотей“ еле разбирали „попечатному“, а такъ какъ книги попадались на непонятномъ церковно-славянскомъ или русскомъ литературномъ языкѣ, то такое чтеніе не давало отвѣтовъ на интересующіе простолюдиновъ вопросы. Богослуженіе, духовно-назидательныя поученія въ храмахъ и чтеніе книгъ нерѣдко вносили въ понятія бѣлорусса превратныя мысли и создавали путаницу въ его міросозерцаніи. Но присущая человѣку потребность отыскать отвѣты на житейскіе вопросы выработала у простолюдина любовь къ разсказамъ, сказкамъ и т. п. произведеніямъ народнаго творчества. Гдѣ бы ни находился бѣлорусскій крестьянинъ, разъ ему позволяетъ досугъ или не чрезмѣрно тяжелый физическій трудъ, онъ приступаетъ къ сказкамъ, разсказамъ и т. п.

Дѣйствительныя событія смѣшиваются, въ разсказахъ бѣлорусса, вмѣстѣ съ чудовищнымъ вымысломъ. Зачастую самъ разсказчикъ

не сознаеть, гдѣ оканчивается дѣйствительность и гдѣ начинается вымыселъ. Таковы, напримѣръ, рассказы о страхахъ, о хожденіи мертвецовъ, о продѣлкахъ колдуновъ и т. п.

Народъ смотритъ на сказочные эпизоды, какъ на дѣйствительно бывшія событія. Не даромъ, при разговорахъ, ссылаются на тѣ или иные сказанія, передающіяся въ извѣстныхъ сказкахъ, рассказахъ и т. п. Это напоминаетъ тѣ ссылки изъ области историческихъ фактовъ, какія дѣлають образованные люди для подтвержденія своей рѣчи.

Разсказчиками являются, конечно, болѣе способные и развитые люди. Это, такъ сказать,—интеллигенція. Одни изъ разсказчиковъ обладаютъ выдающимся краснорѣчіемъ, другіе отличаются даромъ художественнаго чутія и творчества, и почти всѣ изъ нихъ имѣють склонность къ философствованію. Укажу на нѣкоторыхъ даровитыхъ разсказчиковъ, отъ которыхъ и записаны почти всѣ собранныя здѣсь произведенія.

Въ с. Большой Рожинъ, Вышнянской волости, Слуцкаго уѣзда, въ концѣ прошлаго столѣтія жилъ глубокій старикъ, по прозванію Рѣдкій. По его словамъ, онъ никогда не болѣлъ. Онъ дожилъ до 115 лѣтъ. Несмотря на столѣтній возрастъ, Рѣдкій отличался необыкновенной бодростью, веселымъ характеромъ, способностью разсказывать по цѣлымъ часамъ сказки, а также про различныя приключенія и страхи изъ своей долгой жизни. Рѣдкій, кромѣ хозяйства, занимался кастраціей быковъ и питался почти исключительно продуктами этого послѣдняго ремесла. Кастрацію онъ производилъ посредствомъ раскаленныхъ желѣзныхъ сошниковъ и свѣжія железы тутъ же на кострѣ слегка жарилъ и ѣлъ. Мѣстные жители говорятъ, что такая пища имѣла большое вліяніе на бодрость и продолжительность жизни этого старика. Замѣчательно, что Рѣдкій почти до смерти не потерялъ способности къ половой жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жизнерадостнаго настроенія. Рѣдкій обыкновенно заводилъ разговоръ на философскія темы и потомъ, для подтвер-

жденія того или иного своего положенія, переходилъ къ разсказамъ или сказкамъ. Дальше его уже захватывалъ самый процессъ разсказыванія. Тутъ разсказчикъ увлекался, забывалъ прежній разговоръ и весь отдавался во власть фантазій и художественнаго творчества. Рѣдкій могъ занимательно разсказать самую заурядную сказку. Для этого онъ прибавлялъ отъ себя много побочныхъ обстоятельствъ и украшалъ свой разсказъ образнымъ описаніемъ картинъ и психическаго состоянія дѣйствующихъ лицъ. Словомъ, этотъ старикъ обладалъ недюжиннымъ художественнымъ талантомъ.

Иванъ Аземша, по прозванію Шавецъ, проживаетъ въ с. Лучицахъ, Мозырскаго уѣзда. Это—еще бодрый старикъ, лѣтъ 70. Его отецъ, Павелъ Шавецъ, жилъ болѣе 100 лѣтъ. Онъ заболѣлъ единственный разъ въ жизни за день до смерти и умеръ, кажется, въ 1891 или 1892 году. Передъ смертью онъ выпилъ полбутылки водки, уснулъ и уже больше не просыпался. Павелъ всю жизнь прожилъ въ имѣніи у мѣстнаго помѣщика: прежде—какъ крѣпостной, а послѣ 1861 г.—какъ вольнонаемный, исполняя сапожныя и шорныя работы. Павелъ слишкомъ много пилъ, за что часто подвергался страшнымъ побоямъ. Помѣщикъ очень часто такъ жестоко наказывалъ Павла, что онъ по цѣлымъ днямъ оставался въ безсознательномъ состояніи. По его словамъ, за всю свою жизнь онъ выпилъ столько водки, что если бы ее лить на мельничное колесо, то мельница молола бы нѣсколько сутокъ, и столько выкурилъ табаку, что изъ него могла бы образоваться огромная скирда въ нѣсколько саженъ вышиною. Кромѣ помѣщика, Павла наказывали французы въ 1812 году, когда захватили съ собой въ качествѣ провожатаго. Возлѣ м. Клецка, Слуцкаго уѣзда, Павелъ убѣжалъ отъ французовъ и попалъ къ казакамъ, которые точно такъ же ежедневно угощали его нагайками. Одинъ разъ казаки избили Павла до полусмерти и бросили на берегу рѣки. Павелъ пришелъ въ себя, подползъ къ рѣкѣ, напился воды и поплелся домой. Въ пути онъ питался только ягодами да сыроѣжками.

Павелъ самъ не отличался краснорѣчіемъ, но зналъ множество сказокъ и рассказовъ, которые и передалъ своему сыну Ивану. Иванъ былъ большой охотникъ рассказывать, просиживая за этимъ занятіемъ по цѣлымъ длиннымъ зимнимъ вечерамъ, но достаточно было, чтобы кто-либо другой началъ рассказывать, какъ черезъ пять минутъ Иванъ засыпалъ. Иванъ Аземша особенно любилъ рассказывать про чертей, лѣшихъ, водяныхъ, мертвецовъ, оборотней и, вообще, про всякую нечистую силу. Его сильно занимали вопросы о сотвореніи міра и человѣка, о Богѣ, о душѣ и загробной жизни и т. п.

Хотя каждый бѣлорусъ знаетъ десятка два бытовыхъ рассказовъ и нѣсколько сказокъ, но не каждый любитъ и умѣетъ рассказывать. Хорошіе рассказчики встрѣчаются довольно рѣдко. Все ихъ искусство заключается въ томъ, что они въ свои рассказы вносятъ личныя черты,—передаютъ рассказъ подъ угломъ зрѣнія своего міросозерцанія. Неопытные же и неискусные рассказчики заботятся, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы вѣрно передать содержаніе рассказа. Они припоминаютъ подробности, возвращаются назадъ, передаютъ разные эпизоды крайне непослѣдовательно и сухо, такъ что рассказъ и не производитъ должнаго впечатлѣнія. Хорошій рассказчикъ, наоборотъ, не обращаетъ вниманія на точность содержанія и на подробности какого-нибудь событія. Онъ беретъ въ рассказѣ главную мысль, которая иногда выражается пословицей или одной характерной фразой, развиваетъ эту мысль и образными оборотами рѣчи тутъ же сочиняетъ цѣльный законченный рассказъ. Хорошіе рассказчики—это въ своемъ родѣ художники-романисты плюсъ актеры-рассказчики.

Однажды, лѣтомъ, мнѣ пришлось пробраться изъ с. Комаровичъ, Мозырскаго уѣзда, въ м. Любань, Бобруйскаго уѣзда. Эти два пункта раздѣляются большими болотами, по которымъ протекаетъ рѣка Ореса.

Добравшись до д. Ушибатекъ на берегу рѣки, я взялъ лодоч-

ника и поплыть вверхъ по рѣкѣ. Лодочникъ, еще молодой мѣстный крестьянинъ, оказался интереснымъ рассказчикомъ - поэтомъ. Онъ, лавируя на узкомъ, крайне зыбкомъ челнокѣ и усердно работая весломъ, въ то же время, безпрестанно рассказывалъ разныя побасенки и импровизировалъ довольно длинныя отрывки. Все это онъ говорилъ въ стихотворной формѣ съ богатыми приемами. Къ сожалѣнію, производить записи на зыбкомъ челнокѣ было крайне трудно. Кромѣ того, этотъ неграмотный полѣшукъ-поэтъ говорилъ довольно быстро. На мои разпросы онъ пояснилъ, что знаетъ всѣ мѣстныя пѣсни и сказки и что у него само собой „складно“ говорится. Въ д. Юрковичахъ я распрощался съ оригинальнымъ поэтомъ-импровизаторомъ и больше съ нимъ не встрѣчался, даже забылъ, какъ его зовутъ.

Вотъ такіе-то талантливые люди, никѣмъ незамѣченные, всю свою жизнь проводятъ въ глухихъ углахъ. При другихъ условіяхъ, можетъ-быть, они стали бы національной гордостью...

А. Сергпутовскій.

С.-Петербургъ,
10 февраля 1910 г.

1. Небо и пекло.

Вёдамо, маскаль нічо́го не байтца, бо якіх стра́хаў ёму не давелосо на сваём веку́ ба́чыць, я́кбе беды́ перабы́ць. Пасла́ли маскаля́ ў чужы́ край. Ишо́ў ён, ишо́ў да й заблудзі́ўса. Падхо́дзіць ён к таму́ мѣ́йску, гдэ́ канча́ецца земля́. Нѣ́льга йці́ да́лей.—Дай, паначу́ю,—ду́мае маскаль. Убі́ў гэ́то ён у не́бо гвѣ́зд, павѣ́сиў свѣ́й клу́нак, накла́ў агню́, лё́г і паку́рвае люльку. Чу́юць у не́бе, што хтось сту́кае ў спѣ́ну (а гэ́то маскаль гвѣ́зд за́ганяў) і пасла́ли двух ане́лаў, паба́чыць, хто тамь. Спу́сціліся два ане́лы па тѣ́нчы на зѣ́млю й падхо́дзяць к маскалю́. А маскаль тым ча́сам трохи прыкурхну́ў. Ба́чаць ане́лы, што маскаль лежы́ць на го́луі землі́, падлажы́ўшы ка́мень пад го́лаў; шко́да ім ста́ло маскаля́. Дава́й ены́ е́го будзі́ць. От збудзі́ли ане́лы маскаля́ й павелі́ е́го ў не́бо. Прыхо́дзяць ены́ ў не́бо. Пазира́е маскаль ва ўсѣ́ куткі́: ніко́лі ён тако́го дзі́ва не ба́чыў. Разчу́хаўса маскаль, ужэ́ й спаць не хо́чэ; пашо́ў ён а́глядаць не́бо. Доўго хадзі́ў маскаль, глядзі́ў: вѣ́льмі ўсю́ды го́жэ. То́лько заха́цѣласо ёму́ закуры́ць люльку; ха-пі́ўса ён, аж люльку́ й цю́цён згубі́ў, як ишо́ў у не́бо. Прѣ́сціць маскаль у ане́лаў цю́цёну́, а ты́е ка́жуць, што ў не́бе ку́раць то́лько ла́дунам, а тако́го пага́нага зѣ́лья, як цю́цён, што вы́рас на мо́гліцахъ з *piescielki* (*vulva*) ку́рвы, ў не́бе нема́. — А га-рэ́лка е?—пыта́е маскаль.—И гарѣ́лки нема́,—ка́жуць ане́лы,—бо й гарѣ́лку чорт вы́думаў.—Пахадзі́ў, пахадзі́ў маскаль па не́бу, ба́чыць, што светы́е ні ку́раць лю́ляк, ні пью́ць гарѣ́лки, ні сме-ютца, ні пѣ́сень не паю́ць, і мо́ташно ёму́ ста́ло. Вё́дамо, не мажэ́

чалавѣк цыхенько седзѣць, бы намалёваны светы. И пашоў маскаль шукаць такога мѣйсца, гдзѣ вёсело. Ишоў ён, ишоў, заглядзѣўса й упáў з рáю ў няз. Дóўго ён лецѣў, але ось зачাপіўса на асіне за сук и павіс. Хацѣў маскаль атчапітца, да й упáў далóў. Чуць не забіўса ён: лежыць, бы пласт. Ось падхóдзіць к е́му якісь паніч.—Ци нема́ чárки гарéлки?—пытáе маскаль.—Е, кáжэ панич, и прынёс маскалю́ цéлую пляжку. Глынуў маскаль и не лыс. Усхапіўса ён да й пытáе, ци нема́ цюцюну́ й лóўльки.—Е, ўсе е.—Гдзѣ гáто я?—пытáецца маскаль.—У пéкле.—Аджэ́ гáто пéчне, бо ўсе е: й цюцён, и лóўлька, й гарéлка, а онь смѣх и пѣсни. От гáто дак пéчне!—И астáўса маскаль у пéкле, не хóчэ ў нéбо, бо там вéльми ўсе светóе, а чалавѣк грéшны.

Пересказаль Рѣдкій.

С. Большой Рожинь.

2. Музына и чэрци.

Быў адзін Музы́ка. З малénства ён ничóго не рабіў, тóлькі йграў. Ещэ́ хлапчуком: пасé валóў, альбó кóней, зрóбіць з лазы́ дудачку да як загра́е, дак валы́ пакинуць пасцiса, развѣсяць вóшы да й слóхаюць; а ў лѣсе пту́шки прыцiхнуць, нáват жáбы не крúмкаюць. А як паведзé кóней на начлѣг,—лѣ́то, нóчы цéплые, аж пáрыць; папрывóдзяць на дубрóву кóней хлопцы й дзѣўки су сего́ селá, свавóляць, сме́ютца, па́юць пѣ́сни—вѣ́дамо маладóсь, заўжды вёсело; а Музы́ка як загра́е на свóей дудатцэ, дак атрáзу ўсѣ прыцiхнуць. От им здаётца, што якáясь слóдыч ули́са им у сёрца, а якáясь сiла ухвацiла на плéчы й несé ўсé ўгóру, й угóру, к я́сным зóркамъ, у чы́стае нéбо, ў чы́стае, сíняе, шы́рокае нéбо. Седзяць е́ны, ничóго не дúмаюць, забы́лиса, што рúки й нóги млѣюць ат ця́жкай рабóты, што ў жывацѣ́ бурчыць ат гóладу. Седзяць и ўсе слóхаюць. И хацѣ́ласоб им седзѣць гéтак ўсе жы́це й усé слóхаць, як гра́е Музы́ка. От ён замаўчыць. Алé ни-